

Я наслаждаюсь тем, что рассказываю истории

Культура. — 2004. — 15-21 янв. — с. 16

Дорис ЛЕССИНГ называют самой известной из ныне живущих англоязычных писателей и женщиной с самой необычной судьбой. Она родилась в Иране, выросла на маленькой ферме в Южной Родезии, в молодости присоединилась к коммунистам, а в тридцать лет с двенадцатилетним сыном переехала в Англию. Первая книга «Трава поет» прославилась писательницу на весь мир. «Золотой дневник» Лессинг стал настольной книгой феминисток, а ее антиутопии входят в антологии современной фантастики. Сейчас писательница скептически относится к своему увлечению левым движением, живет в Англии и по-прежнему занимается работой. В конце прошлого года в Лондоне была опубликована ее новая книга — сборник рассказов «Бабушки».

— Госпожа Лессинг, вы взяли фамилию своего второго мужа, с которым разошлись более пятидесяти лет назад.

— Думаете, было бы лучше, если бы моя фамилия была Мудрость (Wisdom)? Это фамилия моего первого мужа. Ни один человек в здравом уме и твердой памяти ни за что не выберет себе такое имя, если он хочет быть писателем. Кроме того, у нас с Готтфридом был ребенок, поэтому мне не хотелось опять менять фамилию. И потом Лессинг — прекрасное имя. Оно связано с великой традицией.

— Вы имеете в виду немецкого писателя-романтика? Ваш муж был его родственником?

— Нет, Готтфрид Лессинг не имел к нему отношения. Он был коммунистом и эмигрировал от нацистов сначала в Англию, а потом в Южную Родезию. Там мы познакомились с ним в одной левой группе. Пережили роман, а в 1944-м поженились: иначе его могли интернировать как враждебно настроенного иностранца. В этом не было ничего романтического.

— С чем связаны ваши первые впечатления о Германии?

— С рассказами отца, который в Первую мировую войну боролся против немцев. Он был ранен, потерял ногу и пережил нервный срыв. Но он не испытывал к немцам никакой вражды. Во время Второй мировой войны я вышла замуж за немца. Поверьте, я очень тесно связана с Германией.

— Съездив в Восточный Берлин в начале 50-х годов, вы написали: «Это было одно из худших переживаний в моей жизни».

— Восточный Берлин был отвратительным. Все было ужасным, голым и серым. Кроме того, я хотела встретиться с Готтфридом...

— ... который переселился в ГДР.

— Да, мне хотелось восстановить отношения между ним и нашим сыном. Но Готтфрид стал коммунистическим функционером и работал в Культурном союзе. Он не захотел меня видеть. Думал, что для него это опасно.

— Вы называли его «150-процентным коммунистом». Но потом

пошли слухи, что он был шпионом КГБ.

— Да, так говорили сотрудники южноафриканской тайной полиции. Но никто не мог этого проверить.

— Вы выросли в Африке на маленькой заброшенной ферме. Кто или что повлияло на вас и ваше литературное творчество?

— Я проводила большую часть времени в одиночестве. Часами бродила с охотничьим ружьем по дикой местности. И никогда ничего не боялась, кроме змей. Чудесное детство.

— Хемингуэй тоже любил охоту, но стрельба напрямую не связана с желанием писать. Или связана?

— Думаете, что все писатели должны быть мягкими и сладенькими? Там, где мы жили, каждый крестьянин охотился, чтобы добыть хоть какую-нибудь еду. Все дети стреляли — правда, должна сказать, что я была единственной девушкой в нашем районе, которая ходила на охоту. Но у меня была не только охота. У меня были ящики, наполненные книгами. Вот и все воспитание.

— Когда вам стало ясно, что вы хотите писать?

— Недавно одна школьная подруга рассказала мне, что, когда мы одиннадцатилетними девочками сидели в общей спальне интерната, я объявила, что хотела бы стать писательницей. Я этого не помню, знаю только, что в молодости все время писала. Знаете, я написала два романа таким почерком, что позже не смогла их расшифровать. Так глупо! Но в любом случае, они не были хорошими.

— Эти рукописи существуют до сих пор?

— Слава Богу, нет! Иначе кто-нибудь обязательно начал бы писать о них докторские диссертации.

— Американский писатель Том Вольф как-то сказал: «Писатели сочиняют романы и рассказы ради славы. Хорошо, когда есть деньги, но слава приятнее».

— Мне пришлось писать ради денег, я совершенно не думала о славе. Если Вольф это сказал, очевидно, у него были деньги.

— Правда ли, что в 1949 году, когда вы приехали в Лондон с двенадцатилетним сыном, вы нуждались так, что вам при-

Фото из журнала «Шпигель»

Д. Лессинг

шло жить в одной квартире с проститутками?

— Да. Одна из этих женщин ненавидела секс и случайно стала проституткой. Ее содержали четверо мужчин, она прекрасно одевалась и предлагала мне завести пару джентльменов. «Это так просто, — говорила она. — И ты сможешь прекратить писать и забыть о своих заботах». А я пыталась ей объяснить, что совсем этого не хочу.

— Ваш первый роман «Трава поет» был опубликован в 1950 году и стал настоящим прорывом, но прошли годы, прежде чем вы нашли свою дорогу и пролили немало слез из-за того, что вам было не на что даже купить еду.

— Знаете, один мужчина, спросивший меня, почему я плачу, сказал: «На следующей неделе у вас снова будут деньги». Я подумала: «Он прав» — и перестала плакать. Через десять лет я получила зарплату среднего рабочего. Потом появился банковский счет, агенты, и все стали меня терзать: покупайте себе дом. Мне не хотелось быть домовладелицей, но я испытывала такое давление... Теперь сижу в своем доме и вынуждена заботиться о том, чтобы вовремя пришел электрик. В частной собственности нет ничего хорошего.

— Вы считаетесь самой известной среди ныне живущих англоязычных писателей, что значит для вас эта слава?

— Обычно я живу своей жизнью, и никто не обращает на меня внимания. Но если я рекламирую книги, я внезапно становлюсь известной и веду себя соответственно.

— Как ведут себя известные люди?

— Неестественно хорошо.

— Вас хотели наградить званием «Дама Британской импе-

рии». Почему вы отказались?

— Я провела свою молодость в борьбе против Британской империи, и было бы просто отвратительно, если бы я вдруг стала говорить: «О, спасибо за то, что вы решили меня наградить». И потом, словосочетание «Дама Британской империи» смешно звучит.

— Совсем молодой женщиной вы присоединились к коммунистам в Южной Родезии. Как-то вы говорили, что «красные» были единственными людьми, книги которых вы читали.

— Знаете, они прочли те же книги, что и я, например русских классиков. И прежде всего они были уверены, так же, как я, что расистское общество не может долго существовать. Эти люди помогли мне освободиться.

— Сейчас говорят, что Джонни в «Сладком сне» — это карикатура на мужчину, одержимого идеей революции.

— Но таких людей было полно. Прочитав эту книгу, бывшие товарищи писали мне: «Да, такими мы и были на самом деле».

— Но все же они хотели улучшить мир...

— Нацисты тоже были идеалистами. После того, как в 50-е годы стало известно, что действительно происходило в Советском Союзе и в Восточной Европе, Британская коммунистическая партия распалась.

— Что может спасти государство?

— Прагматизм. Сталин, Гитлер, Мао и прочие диктаторы убили миллионы людей для того, чтобы создать совершенное общество.

— В общем, никаких сладких мечтаний? Никакой утопии?

— Нет, никакой утопии.

— Но вы же были революцио-

неркой. В 14 лет ушли из дома, бросили своего первого мужа, скучного чиновника, были матерью-одиночкой в Лондоне в 50-х годах.

— Это не идеализм, а прагматизм. Я должна была сделать это, чтобы себя спасти. В противном случае я стала бы алкоголичкой или покончила бы жизнь самоубийством.

— Значит, ваши поступки не были борьбой против традиционной роли женщины?

— Я это так не воспринимала. Кроме того, я знала женщин, которые в 50-е годы ни от кого не зависели, так же, как я.

— Вы описали таких независимых женщин в своей книге «Золотой дневник», опубликованной в 1962-м. Она пользуется невероятным успехом и стала настоящей библией для феминисток.

— Вообще-то это не входило в мои намерения. Я описала свой опыт, то, как женщины думали и жили. Меня до сих пор поражает, что многие люди воспринимают это как попытку совершить революцию. Если я где-нибудь выступаю, бывает, что ко мне подходят три женщины из одной семьи — бабушка, мать и дочь — все они прочли «Золотой дневник».

— Но это прекрасно. Благодаря этой книге вы стали известными во всем мире.

— На меня поставили штемпель: феминистка, и это мне повредило. Я до сих пор встречаю мужчин, которые говорят, что они не стали бы читать моих книг, так как считают их частью феминистского движения. Я не феминистка. Я инстинктивно стараюсь избегать любых движений.

— Вторая часть вашей автобиографии заканчивается в 1962-м. Вы не стали ее продолжать, чтобы «не травмировать людей, которые еще живы». А если кто-то другой ее закончит?

— Они по обыкновению наделают ошибок. Я всегда говорю: «Не могли бы вы подождать, пока я умру?» В этом случае мое настроение не испортится.

— Ваша книга «Бабушки» 53-я по счету. Как вы пишете?

— Печатаю десятью пальцами на механической пишущей машинке. Иногда я показываю ее детям, она кажется им очень смешной.

— У вас нет желания успокоиться?

— Я писала в течение всей жизни. Почему я должна это прекратить? Жизнь — это очень тяжелая работа, ведь так? Меня волнует процесс создания того, что раньше не существовало. Я создаю истории из ничего. И наслаждаюсь тем, что рассказываю истории.

По материалам журнала «Шпигель» подготовила Ольга РОМАНЦОВА

Дорис Лессинг (материал из журнала «Шпигель»)

27.01.04